

**УДК: 008**

## **ДИАЛОГ КАК ФОРМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ**

***Н.В. Алехина***

*учитель русского языка и литературы  
e-mail:*

*МОУ Гимназия № 4, г. Курск*

*Статья посвящена проблеме взаимодействия культур. Автор подчеркивает необходимость межкультурного образования и важность сохранения особенностей каждой культуры в процессе его реализации.*

**Ключевые слова:** *культура, межкультурная коммуникация, взаимодействие культур, диалог культур.*

Культурная самобытность представляет собой неоценимое богатство, которое расширяет возможности для всестороннего развития человека, мобилизуя каждый народ, заставляя черпать силы в своем прошлом, усваивать элементы других культур, совместимые со своим характером, и тем самым продолжать процесс самосозидания. Все культуры составляют единое целое в общем наследии человечества. Культурная самобытность народов обновляется и обогащается в результате контактов с традициями и ценностями других народов.

«Культура – это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других; в изоляции она увядает и погибает» [Сафонова 1996: 163].

Культурная самобытность и культурное разнообразие неразрывно связаны друг с другом.

Идея диалогичности культур была сформулирована еще в античные времена Платоном и Сократом. Гегель же обратил внимание на проблему соизмеримости явлений искусства. Культура китайская, индийская, греческая, римская уникальна. Гегель увидел в них выражение неисчерпаемости – это плоскость их сопоставления. Диалогичность как философский принцип осмысления окружающего мира интересна тем, что каждую национальную культуру рассматривает не изнутри, а вовне. М.М. Бахтин использовал этот принцип в аспекте литературоведческом. В.С. Библер положил его в основу своей педагогической концепции. Михаил Михайлович Бахтин ввел представление о «диалоге культур», родившегося под влиянием идей Шпенглера и, вместе с тем, полемически обращенного против них. Если мировые культуры суть в некотором смысле «личности», то с точки зрения Бахтина между ними должен существовать, длясь в веках, нескончаемый «диалог». Для Шпенглера обособленность культур, их замкнутость внутри себя приводит к непознаваемости чужих культурных феноменов; для Бахтина же «вненаходимость» одной культуры в отношении другой не является препятствием для их «общения» и взаимного познания, как если бы речь шла о диалоге людей. Каждая культура, будучи вовлечена в «диалог», например, постепенно раскрывает заключенные в ней многообразные смыслы, часто рождающиеся помимо сознательной воли творцов культурных ценностей. Бахтин вносит свое представление о диалогической природе всякого смысла, благодаря чему его концепция трансформируется в своеобразную культурологическую герменевтику. Бахтин ввел категорию «большого времени», за которой стоит образ мировой истории культуры. Понятие «большого времени» принадлежит бахтинской герменевтике,

соответствуя восприятию и интерпретации культурного феномена, созданного в глубокой древности. При встрече с таковым «большое время», разделяющее события творчества и рецепции, «воскрешает» и при этом непрерывно преобразует забытые, «умершие» и погребенные в «авторской» эпохе, в «малом времени» культурные смыслы; «большое время» – время «диалога культур». Одна из целей введения Бахтиным категории «большого времени» – указать, в полемике со Шпенглером, на герменевтическую плодотворность временного отстояния интерпретатора от эпохи создания произведения. Когда М.М. Бахтин настаивает на том, что в «большом времени» «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения», то, возражая Шпенглеру, он постулирует герменевтическую «открытость» ушедших с исторической сцены культур [Бахтин 1986: 85]. Однако, несмотря на то, что представление Бахтина о возможности культурологического исследования принципиально расходилось со шпенглеровским пессимизмом, созданный им образ диалога – это образ смотрящихся друг в друга ликов культуры – философски все же согласуется с «физиогномикой мирового бытия», как определил Шпенглер собственную философию [Шпенглер 1993: 96–98]. Тем не менее, сопоставление культур в целом достаточно затруднительно. М. Храпченко свидетельствует, что, например, «совокупность оригинальных видов и форм художественного образа, созданных в различных областях мирового искусства на протяжении столетий, столь велика и обширна, что одновременное ее осмысление, приведение к общему знаменателю – практически неосуществимо» [Храпченко 1980: 147]. Поэтому исследователь предлагает не конструировать всеобъемлющий ряд, а искать в данном случае «начала образного творчества», которые помогут понять «единство и многоликость образного творчества» [Храпченко 1980: 147]. Иными словами, в своем поиске всеохватывающих критериев не надо упорствовать, добиваясь полного совмещения сопоставляемых явлений. Достаточно отыскать существенные точки совпадения. Это, прежде всего, испытанные временем общечеловеческие ценности нравственного порядка. В.Н. Топоров замечал, что в обстановке нравственно-духовного кризиса человек обращается к непреходящим ценностям культуры, ее принципиальной человечности и «неединственности», ибо культура живет и своим, и чужим и в союзе и столкновении того и другого возрастает на общую пользу. Культура любого народа всегда апеллирует к сопоставлению, сравнению, она не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где они обмениваются, «проводятся» и стремятся быть переведенными с одного языка культуры на другой. Любая культура «проводима» в отношении другой культуры, это позволяет увидеть глубинный нерв и мотив ее – потребность общения с другими культурами и отражение «чужой» культуры в себе. Поэтому культура всегда имеет дело с соотношением «своего» и «чужого», со сравнением ценностей разных культур. Соотнесение – сравнение того и этого, своего и чужого составляет одну из основных и вековых работ культуры, т.к. сравнение, понимаемое широко (как любой перевод с языка на язык, с пространства на пространство, со времени на время, с культуры на культуру), связано с бытием человека в знаковом пространстве культуры, которое опирается на понятие тождества и различия.

На определенном этапе развития любой культуры, даже самой монолитной, регламентированной, обогащенной общими принципами и теориями, неизбежно возникает потребность обращения к проблеме «подобного» и «неподобного», сопоставления, сравнения. Но при контакте двух или более разных культур с особой остротой и неизбежностью обнаруживается отсутствие «единой» однородной культуры и наличие «разных» культур, в отношении всей совокупности которых снова и снова приходится ставить и решать вопрос о тождестве и различии.

Непреодолимую ценность и великую значимость для человеческого общества разрешения этой проблемы В.Н. Топоров передает через метафорическое осмысление вечного библейского сюжета, усматривая в истории строительства Вавилонской башни трагическую судьбу «единого» языка и единой культуры, которые не с чем сравнить, соотнести, продублировать. В осознании собственной единственности, а значит избранности, самодостаточности, непогрешимости видит он начало падения, проявляющееся в безграничной гордыне, непомерных претензиях, самоупоении, которые ведут к самодовольству, вседозволенности и, в конечном счете, к потере нравственных критериев и самообожествлению [Белова 2006: 5]. Вступив на трудный путь рассеяния и дифференциации былого культурно-языкового единства, закрывшись в рамках своего языка и своей культуры, люди должны были осмыслить и полюбить это «свое». Но лишь увидев окружающий их мир и других, отличных от них по языку и культуре, они смогли осознать свое различие, свою особенность, свою характерность – и в достоинствах, и в недостатках, которые в совокупности создают неповторимый облик данного языка и данной культуры, уникальность, распространяющуюся в результате на весь комплекс языков и культур. Оказавшись в культурно-языковой изоляции, разъединенные по сути, но не могущие жить друг без друга, без контактов – дружеских, нейтральных, враждебных, люди должны были средствами своего языка и своей культуры научиться оценивать мир и самих себя, осознать факт культурно-языкового многообразия и понять его смысл, сделать из всего этого определенный вывод – «вернуться к другим лицом или спиной, активно искать свое место в этом мире» [Белова 2006: 18].

Результаты сравнения могут быть совершенно различными:

1. Положительно приемлющее отношение – «у вас – как у нас» – одинаково, равно (а это можно понять только в сравнении), рождающее радость, удовлетворение, подтверждение правильности, истинности, положительности, а отсюда осознания причастности к общечеловеческому порядку. В этой ситуации «свое» и «другое» объединены уже тем, что они чем-то поддерживают и укрепляют друг друга.
2. Отношение настороженно-ожидающее, неторопливо присматривающееся, в результате его «свое» подсознательно вводится в круг «чужого», исподволь подготавливается сближение с ним. Перспективы такого отношения будут взаимно полезными.
3. Категорично отрицательное отношение. Отрицается сама возможность или целесообразность отношений с «чужим». Вражда и ненависть являются эмоциональным фоном подобного отношения. Причина его в отсутствии широты внутреннего опыта самоосмысления «своего». Отсюда установка на устранение «чужого» из сферы общения со своим или отовсюду, вообще, навсегда. Попытка уничтожить «чужое» ради «своего» всегда несет зло и вред, направленные в обе стороны – на другого и на себя, на «чужое» и на «свое».

Нет культуры, которая не знала бы операции сравнения как одной из самых характерных ее особенностей, поскольку всякая культура – материал для сравнения и любое сравнение образует факт культуры.

Насильственное разъединение душ, прекращение обмена ценностями культуры, ее смыслами обрекает на духовную безотзывность, которые, в свою очередь, парализуют душу людей и ставят под удар идею их братства – как исходного, данного человеку в самом начале его пути, естественного, природного, так и особенно того будущего, которое шаг за шагом создает культурной работой человеческое общество. Власть запретов на этом пути губительна, но даже и она не может отменить

потребности человека в другом слушателе, читателе, собеседнике и в разговоре с ним, в двустороннем направленном обмене-общении.

При условии непрерывной эволюции гуманитарного знания, в первую очередь, таких сфер знания, как история, литературоведение, философия, этнография, антропология, психология, социология, лингвистика формируется принципиально новый тип мышления – гуманитарный, характерный для человека конца XX века, по мысли П. Флоренского и А. Лосева, «разум общения разумов» [Гогиберидзе 2003: 88]. Главным в нем является восприятие такой картины мира, в которой основополагающим будет принцип единства всемирной истории и культурного развития человечества. Лишь на достаточно высоком уровне своей духовной эволюции человеческое общество начинает осознавать себя как единое целое, не только терпимо, но и с уважением и пониманием относиться к инаковости другой культуры. «Национальная вражда, по мнению академика Д.С. Лихачева, одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности, к чужому мнению и не агрессивны [Лихачев 1987: 118].

Таким образом, находясь в процессе сложного, но необратимого восстановления национального самосознания многих народов, населяющих нашу страну в частности, и мир в целом, необходимо помнить о главном – об общечеловеческой значимости каждой национальной культуры. Дискриминация прав любой этнокультуры нарушает решающий принцип взаимодополняемости разноразнонациональных интересов как главного условия выживания и благополучия человечества. Поэтому диалог, как считают сегодня многие представители науки и общественности, является необходимой и наиболее адекватной духу времени формой сосуществования людей разных культурных и этнических традиций.

### ***Библиографический список***

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
- Белова С.В. Элективные курсы гуманитарной направленности для различных профилей обучения: учебно-методическое пособие \ под ред. Т.В. Черниковой. – М.: Глобус, 2006.
- Гогиберидзе Г.М. Диалог культур в системе литературного образования. – М.: Наука, 2003.
- Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1987.
- Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: ИСТОКИ, 1996.
- Храпченко М.Б. Горизонты художественного образа. \ \ Вопросы литературы, 1980, № 12.
- Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. – М., 1993.